

— Закрой свою пасть! — раздражённо прокричал Хай Дунцин.

Для него, как для практика Эшелона, вся та история с попаданием на службу к Дао Небес всегда была очень болезненной темой. Мало кто смел в его присутствии говорить об этом, если только между ними не было кровной вражды. Даже другие практики Эшелона не прибегали к подобным провокациям. Все, кроме Юйвэнь Цзяня. Оба начали свой путь на Седьмой Горе и за годы постоянной вражды их конфликт достиг точки, где ни один не мог терпеть присутствия другого. Едкие слова, брошенные Юйвэнь Цзянем, заставили Хай Дунцина холодно хмыкнуть и шагнуть вперёд. Взмахом руки он послал в обидчика иллюзорный клинок. Этот лазурного цвета клинок сиял слепящим ци меча. В момент своего появления он разделился на сто тысяч мечей, которые дождём осыпались на Юйвэнь Цзяня и гору ауры державы.

— Ты кто такой, чтобы затыкать мне рот? — не унимался Юйвэнь Цзянь. — Ты всего лишь цепной пёс Дао Небес. Не нравится слышать это от других? Ха, я не только не замолчу, даже больше, я скажу это ещё раз. Ты цепной пёс, вшивая собачонка! А ну, иди сюда говно собачье, решил ко мне лезть?

Он высоко задрал подбородок, словно бы говоря: «Ну, и что ты мне сделаешь?» С грохотом дождь из клинков обрушился на защитный барьер горы, отчего тот пошёл рябью. В то же время два практика по бокам от Хай Дунцина с холодным смехом послали два потока ци: один чёрный, другой белый. Они соединились в воздухе в гигантский шип. Когда он ударил в гору, барьер искривился, но Юйвэнь Цзянь продолжал сыпать оскорблениями:

— Чего стоишь, попробуй меня цапнуть, говно собачье, — бушевал он. — Хай Дунцин, ты, портовая шлюха! Давай, попробуй укусить, коли силёнок хватит! Ну иди сюда, попробуй меня трахнуть, я сам тебя трахну, ублюдок![1]

Мэн Хао в стороне смотрел на него со странной смесью эмоций. Неожиданно для себя он отметил, что во время недавней схватки с Юйвэнь Цзянем тот не позволял себе такого потока брани в его адрес. Та их схватка была не до последней капли крови, однако в бранном искусстве с Юйвэнь Цзянем мог сравниться только попугай.

Хай Дунцин по ту сторону барьера постепенно свирепел. Мрачно сверля Юйвэнь Цзяня взглядом, он взмахом рукава увеличил количество иллюзорных мечей до пяти сотен тысяч и обрушил их сверкающим дождём на барьер. Барьер слабел, очевидно, эта троица хорошо подготовилась не только к этой вылазке, но и к сражениям рядом с центральным храмом.

— Шлюха! Прощелыга! — кричал Юйвэнь Цзянь. — Небось, тебе и яйца отрезали, сделав бабой! Почему бы тебе не применить те же навыки, что ты используешь, когда надо ублажить Дао Небес?! Ну, давай же! Хай Дунцин, мы ведь оба с Седьмой Горы, ты можешь сказать мне правду! Между тобой и Дао Небес, кто кого объезжает по ночам, а?! Мне правда интересно!

Во время этого нескончаемого потока брани Юйвэнь Цзянь выкроил секунду и прошептал Мэн

Хао:

— Когда я вижу эту шлюху, то проклятия срываются с языка сами собой. Прости, что втянул тебя в это, брат. Если ты обретёшь просветление быстрее меня, то поскорее уходи, пока тебя не убили. Просто оставь меня. Ведь если ты останешься, а меня убьют, довольно скоро тебя постигнет та же участь. Однако...у нас куда больше шансов, если мы объединимся. Если мы разделимся, то, вероятнее всего, погибнем! К тому же если ты уйдёшь, то не сможешь забрать с собой печать мира. Коли их не отвлечь, то тебе ни за что не удастся скрыться. Не забывай, что в твоих руках печать мира, если ты попробуешь с ней улететь, они точно погонятся за тобой.

— Это всё? Или тебе есть ещё что сказать? — холодно спросил Мэн Хао.

Юйвэнь Цзянь прочистил горло. Вновь разразившись потоком отборной брани в адрес Хай Дунцин, он повернулся к Мэн Хао и натянуто ему улыбнулся.

— Разумеется, но времени на дальнейшие объяснения не осталось. Уходи, брат, я постараюсь задержать их, сколько смогу!

Пока он говорил, в барьере образовалась огромная трещина. С характерным треском она начала расширяться, отчего по всему барьеру волнами пошла рябь. Очевидно, ему уже недолго осталось. Хай Дунцин, сжигаемый ненавистью к Юйвэнь Цзяню, остервенело атаковал барьер. Оба его спутника обладали глубокой культивацией. Хотя они и не состояли в Эшелоне, при взгляде на них появлялось чувство довольно похожее на ощущение, возникающее при виде членов Эшелона. Своей новой атакой они вонзили в барьер ещё два огромных шипа. Их глаза поблёскивали недобрым светом. У них и мысли не было вмешиваться в конфликт Хай Дунцина и Юйвэнь Цзяня, им был нужен Мэн Хао. За его убийство их очень щедро вознаградят. Мужчина и женщина смотрели на него с нескрываемой жадной жаждой убийства и алчностью. Они явно хотели воспользоваться его неспособностью атаковать... и зарубить его.

Внезапно Мэн Хао поднялся на ноги. Сжав пальцы в кулак, он заставил печать мира Седьмой Державы раствориться у себя в руке. После чего он выполнил магический пасс и указал пальцем на барьер. Снаружи тут же материализовалось множество горных цепей, которые рухнули на Хай Дунцина и двух его спутников.

— Ты уже закончил постижение? — спросил Юйвэнь Цзянь с ярким блеском в глазах.

Мэн Хао холодно хмыкнул. Даже не посмотрев на Юйвэнь Цзяня, он вылетел за пределы барьера. Снаружи он размашистым движением руки призвал Мост Парагона. Хай Дунцин поменялся в лице и быстро выполнил магический пасс для сотворения разбитого меча, пропитанного древней аурой. Всё, что появилось, так это фрагмент кончика острия длиной с палец, вот только от него исходила настолько холодная аура, что в округе поднялся стылый ветер. К этой ауре примешивалась ещё аура парагона. Это была магия парагона Хай Дунцина. С диким рёвом он выставил перед собой руки, послав отломанный кончик меча в сторону Моста Парагона.

С появлением двух величественных заклинаний парагона Мэн Хао поднял раскрытую ладонь, на которой уже стоял Треножник Молний. Электрическая вспышка отразилась в его глазах ярким блеском, и тут он поменялся местами с одним из спутников Хай Дунцина — женщиной. Прежде чем кто-то успел среагировать, Мэн Хао молниеносно выполнил магический пасс и послал в оцепеневшего мужчину-практика поток эссенции Божественного Пламени! Он хотел увернуться, но не успел толком начать манёвр в воздухе, как Мэн Хао в образе золотой птицы Пэн в унисон с пламенем ударил ему в грудь когтями. Из вспыхнувшего инферно послышался его истошный крик. И всё же он успел выполнить заклинание, которое во вспышке яркого света заковало его в броню. Доспехи дали ему некоторый уровень защиты, но Божественное Пламя всё равно прогрызло себе путь внутрь. Сдерживая крики, он пытался очистить свой разум и уже даже начал отступать. Но как Мэн Хао мог позволить ему сбежать? Золотая птица Пэн перекинулась обратно в человека, после чего он с размаху нанёс удар Кулаком Одержимости ему в грудь. Броня взорвалась фонтаном кровавых брызг и металла.

Бледный как мел мужчина в отчаянии раскусил зубами жемчужину, что сделало его тело иллюзорным и позволило ему избежать второго удара Мэн Хао. Когда кулак Мэн Хао просвистел сквозь пустоту, послышался его перепуганный крик:

— Спасите меня!

Жемчужина был магическим оберегом на самый крайний случай. Он носил её у себя под языком уже очень много лет, но всего за несколько секунд схватки Мэн Хао вынудил прибегнуть к её силе.

Могло показаться, будто поединок занял куда больше времени, но в действительности с момента использования Мэн Хао Моста Парагона до последнего действия мужчины прошло время, за которое искра вылетает из кремня. Всё произошло настолько быстро, что никто просто не успел толком среагировать. Хай Дунцин немного запоздал со своей магией парагона, поэтому ему было трудно помочь мужчине. Что до женщины, она находилась довольно далеко. Она хотела покрыть это расстояние скачком, но Мэн Хао, предвидя это, выполнил магический пасс и указал на неё рукой. Восьмой Заговор Заклинания Демонов стал невидимыми путями, которые связали женщину и не позволили ей ни переместиться, ни как-либо вмешаться.

Глаза Мэн Хао горели жадной убийства. Не говоря ни слова, он молниеносно рванул к мужчине. Его 123 бессмертных меридиана засияли силой, а следом снизошли 33 Неба. Они превратились в лапу зверя, которая ударила в убегающего практика. Воздух прорезал отчаянный вопль мужчины. Его грудь взорвалась облаком кровавого тумана, а лицо перекосило от ужаса. Он уже чувствовал холодное дыхание смерти у себя на затылке. Откуда ему было знать, что натиск этого практика сметёт его, словно щепку, без какого-либо шанса на контратаку? Ему невольно вспомнилась схватка Мэн Хао и Линь Цуна, теперь-то он понял, почему Линь Цун проиграл. Ему не дали шанса хоть что-то сделать, а его положение постепенно становилось всё хуже и хуже.

Хай Дунцин был вне себя от ярости. Он выполнил магический пасс и во вспышке света в Мэн Хао ударил миллион потоков ци меча. Этой атакой он попытался заблокировать дорогу Мэн Хао к мужчине. Если бы взгляд женщины мог убивать, то Мэн Хао давно бы уже отправился на тот свет. При этом она жутко тревожилась за мужчину: он был её возлюбленным, и при виде

дорогого ей человека в таком состоянии у неё сердце буквально рвалось на части. Ей пришлось сжечь жизненную силу, чтобы вырваться из плена восьмого заговора. Кашляя кровью, она без промедления бросилась на Мэн Хао.

— Только попробуй! — визгливо закричала она.

Мужчина, всё это время находившийся под шквалом атак, стиснул зубы и продолжил отступать. Ему нужно было продержаться всего пару вдохов до прихода своей возлюбленной, тогда он будет спасён. Но тут Мэн Хао внезапно вновь начал действовать. Он сделал несколько шагов, одновременно с чем резко возрос уровень его энергии. Воздух исказился, а у Хай Дунцина и женщины зазвенело в голове. Мужчину тяжело ранило, под его душераздирающие вопли Мэн Хао сблизился с ним и ещё раз ударил его кулаком в грудь. Тело мужчины разорвало на части, но он ещё не погиб. Его бессмертная душа осталась целой и сейчас пыталась сбежать, на что Мэн Хао холодно хмыкнул. Эта звуковая атака несла в себе силу трактата Дао Божества. Удар божественным сознанием заставил бессмертную душу задрожать. В следующий миг в руке Мэн Хао материализовалось костяное копьё, которое он метнул в бессмертную душу. Даже не взглянув на результат этого броска, он развернулся и ударил кулаком в сторону визжащей женщины. Из её рта брызнула кровь, а её саму отшвырнуло назад. Взрывная волна от этого удара столкнулась с летящими лучами ци меча Хай Дунцина, застопорив их в воздухе.

В этот момент костяной наконечник вонзился в лоб бессмертной души. Та задрожала и ошеломлённо посмотрела на копьё, а потом душа разбилась вдребезги. Мужчину настигла окончательная смерть!

— Нет!!! — закричала женщина, со смесью неверия и безумия глядя на место, где только что парила душа.

[1] Реплики Юйвэнь Цзяня очень похожи на известный монолог из фильма «Кровь и бетон» в переводе Гаврилова. Возможно, Эр Ген черпал вдохновение для этой сцены именно из этого фильма, но, даже если и нет, совпадение всё равно довольно забавное. — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/318521>